Фасхутдинова Елена Николаевна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЬСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ТАССР) В 1918-1928 ГГ.: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье анализируется экономическое и правовое положение учительства Казанской губернии (ТАССР) в первое послереволюционное десятилетие. Рассматриваются и тенденции труда учителей, их связь с социальными и правовыми аспектами жизни и труда этой социально - профессиональной группы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 207-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SOWN AREAS OF BASIC AGRICULTURAL CROPS ON THE ALLOTMENTS OF THE PEASANTS OF SIMBIRSK PROVINCE AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Ulyanov Anton Evgenyevich

Depatment of History and Law
Penza State Pedagogical University
uae79@list.ru

Abstract. In the article the dynamics of the change of the sown areas of the basic agricultural crops on the peasants' allotments of Simbirsk province at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century is considered. The data about what crops were grown in farms and what crops took advantage at sowing and why are cited.

Key words and phrases: sown areas; agricultural crops; allotments; farm; agrarian relations.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЬСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ТАССР) В 1918–1928 ГГ.: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Фасхутдинова Елена Николаевна

Кафедра истории, философии, социологии, политологии
Казанский медицинский университет
elenafas@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется экономическое и правовое положение учительства Казанской губернии (ТАССР) в первое послереволюционное десятилетие. Рассматриваются и тенденции труда учителей, их связь с социальными и правовыми аспектами жизни и труда этой социально – профессиональной группы.

Ключевые слова и фразы: учительство; учебное заведение; норма оплаты труда; семейный бюджет; правовой аспект.

Чтобы в короткий срок создать первоклассную индустрию, технически перевооружить промышленность и сельское хозяйство, необходимо было образованное население. Поэтому власть стремилась развивать образование молодежи. Большевики по всей России понимали важность образования и тесную связь качества образования с материальным положением учителя. Уже 2 января 1918 года, было принято постановление СНК о прибавках народным учителям, доводящим жалование народного учителя до 100 руб.[1] Конечно, в условиях роста дороговизны, это было очень мало, а работы у учителей было очень много. Это привело к тому, что 26 июня 1918 года был принят декрет СНК «О нормах оплаты учительского труда», в котором объявили нормальной продолжительность рабочего дня – 4 учебных часа в день (24 часа в неделю, не менее)[2]. Кроме всего прочего, этот декрет устанавливал прибавки за выслугу лет учительского труда по пятилетиям в размере 600 руб. в год[3]. Но в Казанской губернии учителя в разных кантонах либо вовсе не получали никакого жалованья, либо продолжали получать то, что они получали при царизме»[4].

Так, в марте 1918 года на съезде `учащих г. Чистополя и уезда депутаты констатировали «Налицо полная материальная и правовая необеспеченность школы и учительства»[5]. А вот депутат Фастрицкий сказал на этом совещании следующее: «Питание `учащих совершенно неудовлетворительно. Жалование учащим настолько нищенское, что учительство волости положительно голодает, кроме того, трудно достать продукты, особенно хлеб, потому что его крестьяне берегут, боясь недорода в будущем году. Читать учителю нечего, духовный голод еще ощутительнее физического: ни библиотек, ни газет, ни книги нет»[6].

А еще чистопольские учителя на своем съезде говорили еще об одной серьезной проблеме, с которой они столкнулись в послереволюционное время: все промышленные товары в деревенском кооперативе (именно он и вел торговлю) можно было получить только в обмен на определенное количество хлеба (зерна). Учителя предлагали местной власти предоставить им возможность получать из кооператива нормировочные продукты и вообще продукты первой необходимости без обмена на хлеб за наличный расчет»[7]. Но сделано это было спустя более 10 лет.

---

[1] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов 1917-1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 442.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917–1921 гг.). М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 144.
[5] Протоколы съезда учащих г. Чистополя и уезда 3-16 марта 1918 г. Чистополь, 1918. С. 38.
[6] Там же. С. 6.
[7] Там же. С. 38.

Совершенно неудовлетворительным было не только материальное, но и правовое положение учительства. В мае 1918 года газета «Казанское слово» рассказывала: «Многие учителя надеялись сколько-нибудь «подработать» за лето. Но советы и союзы в большинстве случаев к учителям средней школы относились с предубеждением, как к «буржуазному элементу», и охотнее давали работу ученикам, чем учителям»[1]. Такое отношение к учителям имело место не только в городах, но и в селах. Учитель Чистопольского уезда рассказывал: «Крики «долой буржуев» имели в виду и учителей. Как только люди поняли, что название «буржуй» не подходит к учителям, они начали гонение на учителя, как на интеллигента. К сожалению, в тяжелые минуты гонения учительство не видело защиты ни от кого. Теперь в населении появляется стремление снять учителей без всякой причины и заменить их своими одножителями»[2]. В 1918 году существовал родительский контрольный совет, который имел право отстранять от занимаемой должности членов школьного совета, а также учительский и воспитательский персонал, правда, эти отстранения происходили только по решению поселкового совета[3]. Кроме того, незащищенность учителя в правовом плане доказывал и тот факт, что учителей могли снять с занятий и отправить в 1918 году рыть окопы[4], или быть агитаторами за социалистическое преобразование жизни, против религии и священнослужителей[5]. Идея переизбрания учителей на свою же должность тоже не способствовала улучшению правового положения учительства. Кроме того, учителя могли перемещать и из одного учебного заведения в другое[6]. Такие переводы учителей осуществлялись, как правило, не учитывая желания самих учителей, часто даже вопреки ему.

А гражданская война набирала обороты, в России большевики проводили политику военного коммунизма, денег не было, и материальное положение учителей не становилось лучше. Из отчетов 1919-20 учебного года из Казани мы узнаем, что: «Те из молодых учащих, новичков (а их не менее 40%, которые не смогли ничего засеять на огородах и по осени запастись корнеплодами и капустой, работают прямо–таки в ужасных условиях, вплоть до нищенства по дворам. Школьные работники просятся в технические служащие школ или сельские сторожа, чтобы не позорить своего звания»[7]. В послереволюционные годы нормы оплаты труда учителей все более и более отставали от норм всех других специальностей, и привозящий в школу дрова извозчик или печник, зарабатывают в один день больше, чем полагается учителю за месяц»[8].

В 1921 году гражданская война закончилась, началась политика нэп, но татарстанским учителям легче не стало, ведь в 1921 году начался ужасный голод в Поволжье, охвативший ТАССР.

Но еще до голода, поскольку средств не хватало, Советская республика возложила задачу финансирования школ на местные бюджеты. Местные бюджеты были очень слабы, и пришлось образовательную сеть сокращать. Некоторые учителя потеряли работу и оказались безработными. Очень часто источники сообщают о том, что учителям то жалованье не дают, а если и выдают, то только 40% от месячного[9]. Купить продукты было и не на что и негде, и в голодное время очень надеялись на пайки. Но их было не достаточно. Один архивный источник сообщает о таком решении проблемы, с недостатком пайков: «Исходя из положения, что пайков и дензнаков спущено центром на 1/3 всего наличия работников просвещения, необходимо произвести сокращение штатов на 2/3»[10]. Вообще – то сокращение школ и штатов в школах обычно происходило по-другому, советовались, решали вопросы уплотнения школ (путем слияния), Архивные источники 1921 года сообщали: «Учащие правильно вести школьные занятия не в состоянии. Получаемого пайка не хватает, ввиду чего есть масса случаев самопроизвольной отлучки из пределов кантона в Самарскую и другие губернии в поисках хлеба. Блуждая так, они продают с себя последнюю одежду и обувь и едут обратно домой в большинстве случаев ни с чем, а дальше опять положение таково же, жалованием они тоже не удовлетворены с марта и не видят более трех месяцев копейки за душой. Они находятся прямо-таки в отчаянном положении»[11]. Но у учителей, особенно у одиноких, все-таки был шанс уехать из охваченной голодом республики. Вместе с детьми их откомандировывали в разные более благополучные губернии, причем с собой давали немного еды и денег, которые собирали родители[12]. Видя то бедственное положение, в котором находилось все образование в нашей республики X всероссийский съезд советов постановил выделить определенную часть государственных средств в виде субсидий, при распределении которых нужды местностей, пострадавших от голода, должны учитываться в первую очередь»[13].

На помощь преподавателям приходили родители, которые платили за обучение детей. Таково было решение X съезда. Но часть родителей от уплаты за обучение были освобождены. Часто эта оплата обучения родителями и была реальной суммой, из которой выплачивали зарплату учителям.

---

[1] Казанское слово. 1918. № 24. 11 мая.
[2] Протоколы съезда учащих г. Чистополя и уезда 3-16 марта 1918 г. Чистополь, 1918. С. 6-7.
[3] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-992. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 143.
[4] Там же. Ф. Р-271. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 11.
[5] Там же. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 3. Лл. 12–12 об.
[6] Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1.
[7] Сироткин В. Школьное дело // Вестник просвещения. 1922. № 9. С. 82.
[8] Из дневника педагога // Там же. № 1. С. 2.
[9] НА РТ. Ф. Р-992. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 41–47.
[10] Там же. Ф. Ед. хр. 32. Л. 44.
[11] Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 15.
[12] Там же. Ф. Р-992. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 375.
[13] Народное образование в СССР: сборник документов 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 22.

Но голодные годы закончились, а на I половину 1923-24 учебного года Татнаркомпрос получил только четвертую часть ориентировочной суммы. В результате – катастрофическое положение дела, когда учителю выплачивалось 5–10 рублей в месяц[1].

Таким образом, и в последующие годы мы видим опять то же неблагополучие материального положения учительства. Хотя в отчетах руководители народного образования кантонов и выдавали желаемое за действительное и сообщали о том, что в начале апреля 1925 года «деревенский учитель весьма доволен своим положением. В 1924 году поднялись зарплаты учителей и учитель, работающий в школе I ступени получает теперь 24 руб. против 10 руб. в 1923 г., а учитель II ступени – 28 руб. 71 коп

Но хоть учителям и прибавили зарплату и их материальное положение улучшилось, все-таки они не могли немного позволить себе на эту зарплату.

Мы воспользуемся анализом семейного бюджета педагога I ступени, который сделал в 1927 году Н. Денисов в статье «Здоровье педагога в связи с трудом и бытом его», анкетируя педагогов из разных губерний и автономных республик России, приехавших на курсы. При этом он исследовал семейный бюджет семьи педагога из 4 человек, при этом, заработная плата учителя – 41 руб.[2] (в ТАССР, она, как мы видели раньше, была в 1927 году несколько меньше).

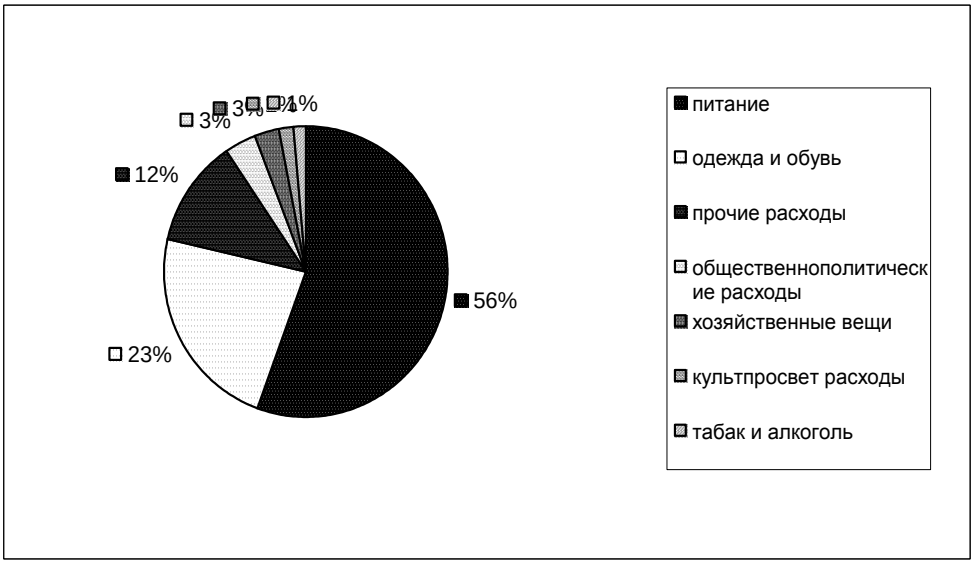

Рис. 1. *Семейный бюджет семьи педагога**

В бюджете педагога на 1 месте стояли расходы на питание, этот расход отнимал почти половину получаемого содержания, к тому же, эти расходы увеличились бы, если бы учитель располагал большей суммой денег. На втором месте – расходы на одежду и обувь, далее жилищные нужды, расходы на стирку, помощь родным и т.п. Расходы на культурно-просветительные нужды чрезвычайно невелики, учитель не имел возможности тратить на это более 1,5% зарплаты. Почти такое же соотношение и в отношении расходов на общественно-политические нужды.

Но местное население, особенно в деревне, считали труд учителя очень легким, а зарплату высокой[3]. Кроме того, и в будущем, месячные ставки заработной платы учителям школ I ступени и дальше обещали повышать: в 1928/29 учебном году- до 48 руб., в 29/30 г.- 55 руб., в 1930/ 31 г. – 63 руб., в 1931/32 г. – 73 руб., в 1932/33 г. – 85 руб[4]. Но это будет когда-то, пусть и скоро, а в 1928 г. источник сообщает, что «среди педагогов есть недовольство недостаточностью материального вознаграждения»[5]

В вопросе о правовом положении учительства ТР наблюдается все то же неблагополучие.

Перегрузка учителя общественной работой, не всегда обоснованные поручения учителю по советской линии, отдельные случаи несвоевременной выплаты учителю зарплаты еще имеют место.

Кроме того, многие педагоги работали в нескольких местах, но это совместительство сказывалось на качестве преподавания. Вызывалось совместительство следующими причинами:

а) необходимость увеличить заработок;

б) самозащитой преподавателя на случай увольнения (многие преподаватели в силу указанной причины просто избегают прикрепляться к одному месту;

в) стремлением найти паралельную работу по одним и тем же предметам.

[1] НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Ед. хр. 998. Л. 8.
[2] Денисов Н. Здоровье педагога в связи с трудом и бытом его // Народный учитель. 1927. № 1. С. 47.
[3] Шульгин В. Н. Идеалы деревенских школьников // Народный учитель. 1927. № 3. С. 49.
[4] НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Ед. хр. 1704. Л. 10.
[5] Там же. Ед. хр. 1654. Л. 83.

Бороться с совместительством надо и прежде всего увеличением зарплаты для педагогов до необходимого минимума для жизни культурного человека в данной местности. Если сделать это нельзя, надо дать нагрузку более или менее обеспечивающую педагога»[1].

SOCIOCULTURAL CONDITIONS OF TEACHERS' EXISTENCE IN KAZAN PROVINCE OF TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN 1918-1928: ECONOMIC AND LEGAL ASPECT

Fashutdinova Elena Nikolaevna

Department of History, Philosophy, Sociology, Political Science
Kazan Medical University
elenafas@yandex.ru

Abstract. In the article the economic and legal status of teachers in Kazan province (TASSR) in the first post-revolutionary decade is analyzed. The tendencies of teachers' work, their connection with the social and legal aspects of the life and work of this socio-professional group are also considered.

Key words and phrases: teachers; educational institution; payment norm; family budget; legal aspect.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДНИКАМИ ПРАВА НА ПРИНЯТИЕ НАСЛЕДСТВА

Цыпляева Елена Викторовна

Кафедра гражданского и уголовного права и процесса
Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте
E5108@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, возникающие у наследников при подаче заявления о принятии наследства с точки зрения реализации основных принципов принятия наследства.

Ключевые слова: принципы принятия наследства; наследники; основания наследования; нотариальные действия.

Процедура принятия наследства – это необходимая стадия процесса приобретения наследства.

Изначально наследники должны определить необходимо ли им это наследство или стоит от него отказаться. Для этого стоит познакомить наследника с основными правилами или принципами принятия наследства.

Эти принципы содержатся в ст. 1110 и 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) эти статьи взаимодействуют и дополняют друг друга:

1. наследство переходит к другим лицам в неизменном виде, как единое целое, в один и тот же момент;
2. при призвании наследника одновременно по нескольким основаниям… наследник может принять наследство по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям;
3. не допускается принятие наследства под условием или с оговорками;
4. принятие наследства одним или несколькими наследниками не означает принятия наследства остальными наследниками;
5. принятие наследства обратимо – приняв наследство, можно отказаться от него в течение шестимесячного срока, предусмотренного законом для принятия наследства.

Большинство авторов считают, что перечисленные выше правила, установленные законодателем, представляют собой рамки, ограничивающие возможности наследника. Однако, думается, что эти правила устанавливаются как раз в целях защиты прав наследника принять наследство в любых обстоятельствах.

Потенциальный наследник, вступая в наследственный процесс, не гарантирован от того, что ему не известно все имущество, принадлежавшее наследодателю (в том числе и долги), весь круг наследников (ведь наследодатель мог оставить завещание, по которому наследниками становятся лица не входящие в круг наследников по закону). Поэтому законодатель, опираясь на первый из перечисленных принципов, гарантирует право приобретения наследства даже в таких ситуациях, когда наследник не знает каково его наследство. Наследнику при подаче заявления о принятии наследства дается возможность сформулировать в нем свою волю любым образом: либо согласиться принять наследство, где бы оно ни находилось и в чем бы ни состояло, либо указать любое известное ему наследственное имущество и согласиться его принять. При этом

[1] НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Ед. хр. 1654. Л. 16 об.